

Леонора Каррингтон
Слуховая трубка
Серия «Англия: серьезно, но не очень»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17691864
Леонора Каррингтон. Слуховая трубка: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-013933-0

Аннотация

Книга, которую сравнивают с «Алисой в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Удивительная история эксцентричной пожилой леди Мариан Петерби и ее невероятных приключений в самом необычном доме для престарелых, какой только можно вообразить.

Таинственный портрет и загадочные преступления...

Глобальные катастрофы и поиски Святого Грааля...

Последователи религиозно-мистических культов и древние языческие боги...

В изящной и яркой книге Леоноры Каррингтон даже самые искушенные знатоки и ценители настоящей литературы найдут для себя что-то совершенно новое и неожиданное.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Леонора Каррингтон

Слуховая трубка

Leonora Carrington

THE HEARING TRUMPET

Печатается с разрешения издательства Flammarion при содействии литературного агентства Анастасии Лестер.

© Editions Flammarion, Paris, 1974

© Перевод А. Соколов, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Предисловие

Те, кто пишет о Леоноре Каррингтон (увы, о ее удивительном искусстве и книгах сказано очень мало), уделяют большое внимание ее жизни: смакуют ее непредсказуемую импульсивность. Вот она, девятнадцатилетняя английская дебютантка, сбегает, чтобы войти в мир сюрреалистов: вот она приходит на шикарную парижскую художественную вечеринку, завернутая в простыню, и шокирует бомонд, сорвав ее и представ перед публикой голой. Она сидит за столиком в ресторане и обмазывает ноги горчицей. Красит чернилами кальмара холодную тапиоку и подает гостям, выдавая за икру. Не обращая внимания на собравшихся в комнате, встает, идет в одежде под душ, а затем, возвратившись, опять усаживается на диван, хотя с нее льет вода. Случалось, что гостившие в ее доме люди приходили на завтрак и Леонора подавала им омлет с их же волосами, которые состригла, пока они спали. В краткой биографии, предпосланной одной из публикаций ее работ, содержится такая немыслимая в жизнеописании других литераторов фраза: «В мадридском доме для умалишенных с ней ужасно обращались, и ее вызволила оттуда няня, прибывшая в Испанию на подводной лодке».

Что это: апокрифы или правдивые истории? О ней рассказывается, как в 1934 году в семнадцать лет после фотосессии в отеле «Ритц» по случаю ее первого выезда в свет после того, как ее (по ее собственному выражению) выставили напоказ на «ярмарке невест» при дворе короля Георга V, она сидела на ипподроме «Аскот» и читала «Слепца в Газе» Олдоса Хаксли. Девушка. Читает. И такую скандальную книгу. «В те времена, если ты женщина, тебе не позволялось делать ставки. Не позволялось даже заходить в паддок, куда выводили напоказ лошадей. Вот я и взяла книгу. А чем было еще заняться?»¹ Леонора воспроизводит те дни в своем раннем рассказе «Выход в свет». В нем говорится, как девушка, познакомившись и подружившись в зоопарке с гиеной, учит ее французскому языку, а в обмен зверь обучает ее премудростям гиенского. Девушка решает выставить гиену вместо себя на балу дебютанток: «Я разыскала пару перчаток, чтобы скрыть ей руки, которые, в отличие от моих, были уж слишком волосаты». Сюжет начинается как забавный розыгрыш и заканчивается невозмутимо-спокойно, но кроваво. Его тема – зарождение насилия в любых социальных изменениях или переменах собственного «я». А стимул этого насилия – в не прибегающей к оправданиям дикости.

Книги и картины Леоноры населены домашними животными, хищниками и существами, наполовину реальными, наполовину вымышленными. В ее живописи – и мрачной,

¹ Из интервью Пола де Ангелиса. Леонора Каррингтон: мексиканские годы 1943–1985, 1991, с. 34.

и полной красок – присутствуют болтающие друг с другом звери, странные, похожие на людей создания, многорукие ящерицы-змеи, полуволки-полулюди, люди, оборачивающиеся птицами (или это птицы оборачиваются людьми?), гномы в масках. И все они помещены в полуреальное-полувывмышленное окружение, пограничное пространство между добром и злом. Картины напоминают театральные мизансцены, в которых раскрывается животная сущность людей и социальная сущность животных и создается магическая реальность, где то и другое сливается воедино и создается гибрид, причем часто в ходе ритуальной трапезы за похожими на столы алтарями, где еда выглядит удивительно живой. А в литературе Каррингтон эта еда и есть буквально живая. В «Дяде Сэме Каррингтоне» рассказчица (случайно знакомящаяся с дамами из высшего света, которые тайно на своих кухнях избивают овощи и кричат, что никто не войдет в Царствие Небесное, если не носит корсетов) становится свидетельницей драки при луне двух кочанов капусты. «Они отрывали друг от друга листья с такой яростью, что вскоре не осталось капусты – одни разбросанные листья».

Искусство Каррингтон характеризуется мрачной игривостью; откровением неожиданной и часто активно воинственной жизни; глубоким, магическим и в то же время по-обеденному практичным видением потустороннего; отказом от принятых социальных и духовных авторитетов; столкновением загадочных и зачастую упрямо не поддающихся расшифровке символов – иногда из алхимии или таро или широкого спектра мифологий и знахарских традиций, а также из буддизма, римского католицизма, ирландского фольклора, каббалы, астрологии. Но это искусство никогда не попадало под классификации закреплённых смыслов. Каррингтон «категорически отказывалась объяснять какой бы то ни было аспект своего художественного творчества, утверждая, что ее работы должны говорить сами за себя», так писала о ней Сьюзан Аберт². Возможно, это упорное нежелание Каррингтон признавать, что вещи могут быть чем-либо иным, кроме их таинственных сущностей, заставляет критиков искать ассоциации ее образам в чем-то более простом, биографическом. И неудивительно. Жизнь Леоноры Каррингтон поразительна.

Она родилась в 1917 году в семье богатого текстильного промышленника из Северной Англии. Ее мать была дочерью ирландского врача (Каррингтон любила подчеркивать ее цыганские корни). Росла Леонора главным образом в имении Крукхи-холл – по-готически величественном здании неподалеку от Ланкастера – и была единственной среди братьев девочкой в семье. О ней заботилась ее ирландская няня, которая вместе с матерью привила Леоноре любовь к ирландскому фольклору и мифам о подземных богах сидхе. Но большую часть детства Леонора бунтовала как против социального класса, к которому принадлежала, так и против любых попыток установить для нее какие-либо светские правила. Ее исключают из одной за другой закрытых католических школ, поскольку монахини объявляют ее «умственно неполноценной», но на самом деле встревожены ее странной склонностью к чудесному, природной дерзостью подростка, задающего вопрос, почему два плюс два равняется четырем, и особенно пугающей способностью Леоноры одинаково писать обеими руками и даже зеркальным способом, то есть задом наперед.

Родные посылают трудного ребенка с глаз долой – учиться лучшим манерам в закрытую школу мисс Перроуз во Флоренции, где она постоянно посещает музеи и галереи, и ее поражает творчество Паоло Учелло, Антонио Пизанелло, Джузеппе Арчимбольдо. Завершив образование в Париже, она, уже на правах дебютантки, появляется на приеме в отеле «Ритц» в честь своего первого выхода в свет и, к ужасу родителей, объявляет, что хочет заниматься живописью. Отец отвечает, что уж лучше бы дочь выбрала профессию заводчицы фокстерьеров. Леонора предпочитает измениться – она больше не бунтующая дочь богатых родителей, а бедная ученица живописи. Она поступает в новую лондонскую акаде-

² Аберт С. Леонора Каррингтон: сюрреализм, алхимия и искусство. 2005, с. 9.

мию Амеде Озанфана, представителя школы пуризма, отпочковавшейся от кубизма. Озанфан заставляет ее полгода рисовать одно и то же яблоко, пока оно не превращается в мумию³. В девятнадцать лет Леонора знакомится с художником-сюрреалистом Максом Эрнстом, чьей живописью она восхищается. И, несмотря на то что он женат и ему хорошо за сорок, влюбляется в него и уезжает из Англии в Париж. «Не с Максом. Одна. Я всегда убежала одна»⁴. Тогда же Каррингтон знакомится и сближается с Андре Бретоном, Роландом Пенроузом и его партнершей, американским фотографом Ли Миллер, которая сделала самые красивые снимки молодой Леоноры. На фотографии, снятой Пенроузом в 1937 году, Миллер, Каррингтон и еще двое друзей изображены в момент светского общения. Застыв в изысканных позах и опираясь друг на друга, они, словно внезапно заколдованные, крепко спят, все еще держа в руках чайные чашки.

Леонора моментально становится музой и избалованным ребенком сюрреализма. «Она воплощает в себе все, что ценит это движение в женщине: молодость, красоту, живость, раскованность и воображение без границ»⁵. Но она всегда считала себя особенной – стремление к своеобразию пронизывает всю ее жизнь и творчество, – и теперь, когда ее называют чьей-то музой, только презрительно фыркает. Сближение с сюрреалистами одновременно и скрывало, и раскрепощало ее. Она была воплощением *femme-enfant*⁶ и *sorciere*⁷, но, с другой стороны, сюрреалисты показывали ее работы на своих главных выставках рядом с картинами швейцарки Мерет Оппенгейм, испанки Ремедиос Варо (чья дружба будет очень важна для Каррингтон впоследствии), англичанки Айлин Агар и других женщин-живописцев.

Между 1937 и 1940 годами Каррингтон жила с Эрнстом во Франции – сначала в Париже, затем в райском деревенском уголке Сен-Мартен д'Ардеш, и тогда начала писать по-французски рассказы, которые расходились в публикациях сюрреалистов. В ее произведениях удивительным образом сочетается обыденное, узнаваемое и сюрреалистическое, как в сказках, наполненных блестками реальной жизни. Вот волосатая женщина, способная поболтать с кошками, вот жалкие священники и святые, обещающие голодающим бесполезное питание и убивающие в них страсть к деньгам. А вот более практические аспекты жизни после смерти – например, скелет, радующийся, что освободился от бременной плоти, потому что теперь его больше не кусают комары. А затем разразилась Вторая мировая война, и немца Эрнста арестовали как гражданина враждебного Франции государства. Каррингтон приносила ему краски, чтобы он мог работать в тюрьме. Вскоре освобожденный, он через некоторое время был вновь задержан, но уже оккупированными Францию немцами, в чьем списке значился представителем «вырождающегося искусства».

Оказавшись в двадцать три года одна за границей, Каррингтон перестает есть, и ее психическое состояние становится нестабильным. Добиваясь для Эрнста визы, она едет в Испанию, где попадает в дом для душевнобольных, и там ее лечат кардиазолом, вызывающим примерно такую же реакцию, как впоследствии проводимая ей электроконвульсивная терапия. Это время порождает мучительный, беспристрастный отчет о ее недуге – рассказ «Там, внизу».

«Очень было похоже, что я умерла», – скажет позднее Леонора Марине Уорнер⁸. Ускользнув из страшного заведения и перехитрив посланных растерянными родителями телохранителей, она уезжает в США, а затем поселяется в Мехико, где уже живут приехав-

³ Интервью Пола де Ангелиса, с. 34.

⁴ Там же, с. 36.

⁵ Чедвик У. Женщины-художницы и движение сюрреализма. 1985, с. 67.

⁶ Женщина-ребенок (*фр.*).

⁷ Колдунья (*фр.*).

⁸ Имеется в виду предисловие М. Уорнер к произведению Л. Каррингтон «Дом страха».

шие сюда в поисках безопасности многие ее друзья-сюрреалисты. Там она выходит замуж за венгерского фотографа Имре Вейца, который едва не стал жертвой гитлеровского антисемитизма. Город Мехико, счастливо объединяющий духовность с магией, во многом устраивал Леонору. В этом городе она снова встречается с художницей-сюрреалисткой Ремедиос Варо, и дружба женщин способствует расцвету их творчества, что находит отражение в «Слуховой трубке» – образ подруги героини Кармеллы явно навеян личностью блистательной Варо. В текстах Каррингтон обнаруживается еще несколько литературных намеков (например, в «Слуховой трубке» в докторе Гэмбите можно с достаточной вероятностью увидеть пародию на русского философа-мистика Георгия Гурджиева, а в Мальборо – калифорнийского мистика Эдварда Джеймса).

Однако всякое прочтение «реального» в работах Каррингтон приобретает особое значение, если наделить сюрреализм, в котором она жила, иной степенью актуальности. Это также ясно прослеживается и в творчестве ее современницы Ли Миллер: ее навеянные сюрреализмом 1930-х годов фотографии открывают взгляду реально-сюрреальное, например, снимок 1945 года груд тел в концлагере Дахау или совершившей самоубийство дочери бургомистра Лейпцига, словно спящей на большом кожаном диване с легким слоем пыли на лице. Вся литература Каррингтон – это спор реального с нереальным, и уже в ее раннем рассказе «Каменная дверь», написанном в начале 1940-х годов, странные трепещущие рождения и превращения происходят на фоне всепроникающих картин войны, очень напоминающих холокост.

В этом свете классическая «Слуховая трубка» – это послевоенное, послеатомное видение мира с отсылкой к эре глобального потепления. Поэтому ее переиздание своевременно, как никогда.

Некоторые критики полагают, что «Слуховая трубка» написана в начале 1960-х годов. Но более поздние источники утверждают, что Каррингтон написала ее раньше, в 50-х, когда ей самой только перевалило за тридцать. Сьюзан Аберт в своей прекрасно иллюстрированной книге «Леонора Каррингтон: сюрреализм, алхимия и искусство» пишет: «Каррингтон сказала мне, что закончила книгу, пока сидела в кафе «Гарибальди» на площади Мариачас, оглушаемая какофонией шума». Друг Каррингтон, Альберт Левин, попытался опубликовать книгу в Нью-Йорке, но не сумел заинтересовать издателей ее содержанием – девяностодвухлетняя феминистка заключена в средневековый испанский замок, превращенный в дом престарелых⁹.

Эта удивительная, искрометная, смешная, полная энергии и мастерства очаровательная повесть в то же время глубоко коренится в ужасе, которым проникнут написанный семь лет назад рассказ «Там, внизу». «Трубка» была утеряна, затем найдена и впервые опубликована в 1974 году в переводе на французский под названием «Le Cornet Acoustique». Первоначальная английская версия увидела свет в 1976 году. Эта повесть – самое зрелое произведение Каррингтон, ее наиболее значительное достижение в прозе и в каком-то смысле утверждение ее собственной зрелости.

Героиня повести – Мариан Летерби – девяностодвухлетняя женщина-инвалид. Современный мир сделал ее не видимой и не слышимой для относящихся к ней с презрением родных. Ее подруга Кармелла дарит ей огромную слуховую трубку, которая позволяет ей узнать, что творится вокруг, и разговоры окружающих вдруг становятся доступными для ее ушей. Она подслушивает, что семья решила отправить ее в христианское благотворительное заведение для престарелых дам, управляемое Братством Кладезя света, которое финансирует известная американская зерновая компания. В понимании Каррингтон за могуществом любой традиционной религии неизменно стоят деньги. Лайтсам-холл и его окрестности –

⁹ Аберт С. С. 147.

это нехитрое, топорное на-дувательство, когда старушки живут в домиках из детских стишков, чтобы их родные думали, что они ведут беззаботную, мирную жизнь. Бессмысленное учение доктора Гэмбита, основанное на поисках внутреннего смысла христианства, на самом деле представляет собой смесь одурманивания и навязывания всякой религиозной мути. Там притворяются, что слышат духовные голоса, изобретают нелепо-смешные и глупые ритуалы и утверждают, что им были видения, и все это только ради того, чтобы привлечь к себе внимание. Но вдобавок ко всему есть еще висящий над обеденным столом портрет монахини с косящим глазом, подмигивающей «со сбивающей с толку смесью насмешки и недоброжелательства». Монахиня смотрит на полуголодных пожилых дам, среди которых и Мариан Летерби, и вот эта Мариан Летерби вопреки царящим в доме порядкам создает иную систему верований, в которой противоестественная на вид монахиня открывает нечто волнующе потустороннее. Затем Мариан становится свидетельницей убийства, превращается в некое подобие древней анархистки и начинает режиссировать революцию. Она узнает, что значит родиться заново. Учится выживать в реальном жестоком мире.

С самого начала Леонора Каррингтон подчеркивает сюрреализм повседневного бытия. Служанка пожилой госпожи предпочитает разговаривать с кошками, а не с детьми, с которыми никогда не общается, хотя, «наверное, любит их по-своему». У самой Мариан есть «короткая седая борода, которая у обычных людей вызывает отвращение». Она же находит, что «в ней есть особый шик». Что это: сюрреалистическая бородастая героиня повести или просто описание подбородка любой старухи? Ее родные сидят у камина с электрическим очагом. Разве можно представить что-то более абсурдное? Самые просвещенные героини повествования удивлены абсурдности того, как миллионы и миллионы людей «подчиняются тошнотворной кучке господ, именующих себя правительством». Они задаются вопросом, не лучше ли и не приятнее ли для человека жить вовсе без власти? «Придется думать за себя, а не руководствоваться тем, что говорит реклама, кино, полицейские и парламенты». Героини выступают за то, за что и произведение в целом: за очень простую анархию – независимость суждений.

«Слуховая трубка» – в основе своей книга о глубоком разобщении. В центре повествования – люди, не способные или не желающие слышать друг друга. Она о том, как мы слышим или как мы не слышим или не способны слышать, и о том, что происходит, если мы получаем способность слышать и видеть по-другому. «Я стараюсь избавиться от образов, которые лишают меня зрения»¹⁰, – заявила как-то Каррингтон. Такое впечатление, что ее книга, которая сначала кажется пародией и читается как «уютный» детектив Агаты Кристи, вдруг тает, снедаемая невероятным жаром, и, превращаясь в нечто невообразимое, похожее на журнал алхимика, стремится избавиться от любых принципов и представлений о принятом «цивилизованном» повествовании. Например, вся «английскость» повести – всего лишь призрачная мечта пожилой женщины о юности, когда очаровательный, но ребячливо-пустой молодой человек пригласил ее поиграть в теннис, а сам растворился в воздухе, и она увидела сквозь него рододендроны. «Нет, ты не умер, не происходит ничего драматичного, просто ты потихоньку исчезаешь, и я даже не могу припомнить твоего имени. Белый фланелевый костюм запомнился лучше, чем ты сам». И все-таки это литературное произведение, в котором все социальные достоинства несмыслимо и очаровательно английские. Приземленный язык не терпит разряженности, и речь самой Мариан превосходно держит его в рамках здравого смысла. Трудно не поверить рассказчице, когда она с уверенностью утверждает: «Я не ем мяса, поскольку считаю неправильным лишать жизни животных, тем более что их так трудно прожевать». Или ее изысканной вежливости, когда, хоть всем кажется, что наступает конец света, она говорит: «Мы провели бы очень приятный вечер, если бы не угроза голода».

¹⁰ Уорнер М.

Но сильнее всего книга воздействует на чувства читателя, оживляя их сочетанием смешного, очаровательного и искреннего, и человек, душевно веселясь, исторгает из себя яд. В произведениях Каррингтон большое место отведено «творческой стряпне», обладающей политической и преобразующей силой в бытовом пространстве. Автор наделяет религию разнузданным аппетитом. Задается вопросом, как и что мы едим. Анархический бунт и альтернативная вера вращаются вокруг приготовления пищи. И финальный акт возрождения есть не что иное, как самопоглощение, высвобождающее собственное «я».

Роковая слуховая трубка – постоянно повторяющийся символ. Уже с самого начала книги автор сравнивает героиню с архангелом Гавриилом с его апокалипсической трубой, хотя подчеркивает, что тому «это устройство требовалось, чтобы подавать трубный глас, а не слушать через него. Согласно Библии, он протрубит в тот день, когда человечество погубит последняя катастрофа». В «Слуховой трубке» разговор ведется не только о том, как в узком на первый взгляд кругу немощные старухи спорят, кто из них главнее, не только о людях с комплексом власти Гитлера, не только о выведенной в образе доброй Кармеллы разумной анархической паранойе в постатомный век, чей конец апокалипсичен и ужасен. Повесть наполнена уважением к природе и ее обитателям и предостерегает людей, забывших свое естество. Одна из целей загадки текста – предупредить, что «полюса меняются» и для множества обитателей планеты последствия этого могут стать катастрофическими.

«На людей до семидесяти и за семь, если они не кошки, полагаться не приходится». В «Слуховой трубке» много неожиданных утверждений и переиначенных расхожих изречений. «Человек не может быть уверенным в своем будущем». Каррингтон в повести переписывает будущее. Переписывает наше представление о людях за семьдесят и вообще о пожилых дамах (и делает это не только при помощи образа блистательной Мариан Летерби, но в одном случае – самой обыкновенной из всех обительниц дома престарелых, которую показывает распространительницей наркотиков, переодевающейся в мужскую одежду и вообще не дамой). Она переписывает легенду о Святом Граале, и та становится легендой о «нечестивом любопытстве». Вольно и восторженно обращается с материалом Ветхого и Нового Заветов, создавая взамен альтернативную, дружественную миру, женоконцентрическую духовность. Переиначивает «большое воображение», превращая его в новый загробный мир. Изменяет известную или узнаваемую действительность в нечто не от мира сего. Переделывает слуховую трубку из апокалипсического символа в принадлежность доброго разбойника (в конце книги Мариан носит свой рог на манер Робин Гуда и выступает в роли Престарелой Девы нового века). Возникает вопрос: не является ли преклонный возраст Мариан Летерби протестом Каррингтон против устоявшегося в среде сюрреалистов мнения о ней как об исключительно одаренной женщине-ребенке? Очень и очень возможно, что Мариан – это та старуха из кельтской мифологии, чья мудрость является магическим ключом ко всем возрастам и поколениям. Рассказывая о живописи Каррингтон конца 1980-х годов, Уитни Чедвик вывела такую формулу ее тяготения к этому образу: «Она отвергала идеалы юности и красоты, доминирующие как в современной культуре, так и на протяжении почти всей истории западной живописи... Изображение старых, морщинистых лиц наряду с восстановлением знаний и власти пожилых полностью соответствует уверенности Каррингтон, что цивилизации не на что надеяться, если женщины вновь не обретут силу воздействовать на ход человеческой жизни»¹¹. В реальности – и Каррингтон всячески акцентирует внимание на больных костях и выпавших зубах Мариан Летерби – старость – это также простое доказательство хода времени и изменения миропорядка. Время, как нам всем известно, течет, подчеркивает Мариан. Время – здесь Леонора Каррингтон на мгновение сбрасывает маску – даже сделало респектабельным сюрреализм, ведь уже и «в Букингемском дворце есть репро-

¹¹ Чедвик У. Леонора Каррингтон: последние работы. Нью-Йорк Брюстер каталог, 1988.

дукция знаменитого натюрморта Рене Магритта с ломтем ветчины, из которого таращится глаз. Он висит в Тронном зале», – произносит дебютантка, которая некогда бежала к тому, что ей казалось противоположностью респектабельности, а теперь стала свидетельницей того, как все ее бунтарство, все то, что было присуще только ей одной, превращается в привычную повседневность для многих.

«Слуховая трубка» – это также заново переписанное время, которое либо превращает нас в «ужасный старый остов», либо переделывает и обновляет нашу личность. Книга требует, чтобы мы воспринимали все по-другому и обнаруживали жизнь там, где совершенно не рассчитывали ее увидеть. Она настаивает, чтобы читатель впустил в себя темное и перевозданное и переосмыслил действие силы. Это произведение огромного оптимизма, и в его конце стая волков отгоняет взбешенных церковников и агентов тайной полиции, а населяющие мир люди ждут конца ледникового периода, когда снова взойдет трава и расцветут цветы.

Прошло пятьдесят пять лет, и когда я пишу это предисловие, Леонора Каррингтон почти в таком же возрасте, как Мариан Летерби, но она по-прежнему занимается живописью. Ее самые последние картины и статуэтки демонстрируют людей, гонящихся за птицами или превращающихся в птиц. Она изображает людей и животных в загадочном соединении, музыкальный праздник неких существ и людей, где главенствуют усыпанные звездами птицы и неземные твари, гигантскую черную собаку, держащую в лапе иконку с каким-то маленьким человечком, рыбу-ящерицу, на которой, словно в лодке, плывет другая рыба-птица-ящерица с такими же монстрами на спине.

В них все те же искания, что в начале жизни, когда Леонора (как гласит история) в возрасте четырех лет впервые нарисовала своих лошадок на величественных стенах Крукхихолла. С тех пор она не устает возносить природное и перевозданное на валы людских канон, демонстрируя удивительную способность писать прозу вперед и назад, любой рукой и во всех направлениях. Ее интуиция, как должно идти повествование, и интерес к тому, как оно могло бы пойти по-другому, сотворили особый альтернативный, загадочный мир со своей ни на что не похожей прозой – оригинальной, веселой, приносящей радость, – сдержанно-фантастической прозой двадцатого века.

Али Смит, 2005 г.

Когда Кармелла дарила мне слуховую трубку, она, вероятно, предвидела некоторые последствия. Вообще-то я бы не назвала Кармеллу зловредной – просто у нее своеобразное чувство юмора. Трубка, без сомнения, являла собой превосходный образчик представителей своего класса, и хотя, по правде говоря, современной она отнюдь не выглядела, все же была просто прелестной – инкрустирована серебром и перламутром и сильно изогнута наподобие буйволова рога. К тому же эстетическая составляющая была не единственным достоинством данного предмета – слуховая трубка усиливала звук до такой степени, что обычный разговор становился вполне доступен даже для моих ушей.

Здесь я должна заметить, что возраст не ослабил моих чувств. У меня превосходное зрение, хотя я пользуюсь для чтения очками – если, конечно, читаю, чего практически никогда не делаю. Да, должна признаться, ревматизм несколько согнул мой костяк. Это, впрочем, не мешает мне прогуливаться в теплую погоду и раз в неделю, по четвергам, подметать комнату – упражнение, на мой взгляд, одновременно полезное и нравоучительное. Могу добавить, что все еще считаю себя полезным членом общества и надеюсь, что иной раз способна быть приятной и забавной. Меня нисколько не смущает тот факт, что у меня не осталось ни одного зуба и что я так и не научилась носить протезы. Кусать я никого не собираюсь, а достать мягкое, хорошо усваиваемое желудком съестное не составляет никакого труда. Основу моей простой диеты составляет овощное пюре, шоколад и размоченный в теплой

воде хлеб. Я не ем мяса, поскольку считаю неправильным лишать жизни животных, тем более что их так трудно прожевать.

Мне девяносто два года, и последние пятнадцать лет я живу с сыном и его семьей. Наш дом, расположенный в жилищном массиве, в Англии назывался бы домом на две семьи с крошечным участком и общей стеной с соседями. Не знаю, как это называется по-испански, но звучит, наверное, как «вместительная резиденция с садом». Все это далеко от истины. Тесный домишко никак не назовешь вместительным, а вокруг нет ничего, даже отдаленно напоминающего сад. Но маленький задний дворик все-таки имеется, и я его делю с двумя моими кошками, курицей, служанкой с двумя детьми, некоторым количеством мух и кактусом по имени агава.

Моя комната выходит прямо в этот прелестный задний дворик, и я считаю его очень удобным, поскольку не приходится преодолевать никаких лестниц и, стоит лишь открыть дверь, ночью можно наслаждаться видом звезд, а рано утром лучами солнца – только такое проявление светила я способна выдержать. У служанки Розины, женщины из Индии, настолько угрюмый характер, что создается впечатление, будто она вечно недовольна всем человечеством. Полагаю, меня она к человеческим существам не относит, поэтому наши отношения нельзя назвать неприятными. Агава, мухи и я – предметы, неотъемлемые от заднего дворика, и, будучи элементами пейзажа, воспринимаются как таковые. Кошки – иное дело. Их индивидуальность в зависимости от настроения Розины либо вызывает в ней вспышки восторга, либо выводит из себя. С кошками она разговаривает, чего никогда не делает со своими детьми, хотя, как мне кажется, по-своему их любит.

Никогда не могла понять эту страну и теперь начинаю опасаться, что больше не вернусь на север и не сумею выбраться отсюда. Но нельзя оставлять надежду, ведь чудеса случаются, и случаются очень часто. Люди считают, что ждать пятьдесят лет отъезда в какую-нибудь страну – это долгий срок, поскольку зачастую он составляет больше половины их жизни. Для меня же пятьдесят лет – это всего лишь отрезок времени, застрявший где-то, где мне совершенно не хочется находиться. Последние сорок пять лет я только и делала, что пыталась вырваться отсюда. Но не сумела: должно быть, держит меня в этой стране некая колдовская сила. Когда-нибудь я все-таки пойму, почему так долго здесь живу, хотя грежу северными оленями, вишневыми деревьями, лугами и пением дрозда.

Не всегда средоточие моих мечтаний – Англия. По правде говоря, я не особенно хочу обосноваться именно там, но мне надо навестить в Лондоне мать. Она стареет, хотя обладает великолепным здоровьем. Сто десять лет – возраст не великий, во всяком случае по библейским меркам. Слуга матери Макгрейв, посылающий мне почтовые открытки с видами Букингемского дворца, утверждает, что она по-прежнему очень подвижна в инвалидном кресле, хотя я не очень понимаю, как человек может быть подвижен в инвалидном кресле. По словам Макгрейва, мать совершенно ослепла, но бороды у нее нет – это уже намек на мою фотографию, которую я в качестве рождественского подарка отправила в прошлом году.

У меня на самом деле есть короткая седая борода, которая у обычных людей вызывает отвращение. Лично я нахожу, что в ней есть особый шик.

В Англии я пробуду всего несколько недель, а потом осуществлю мечту всей моей жизни – отправлюсь в Лапландию, где меня будут катать в санях собаки, очень мохнатые собаки.

Но это отступление. Не хочу, чтобы кто-нибудь решил, что меня слишком заносит. Меня заносит ровно настолько, насколько я хочу.

Итак, я живу со своим Галаадом.

У Галаада большая семья, и он отнюдь не богат. Зарплата маленькая, потому что он не посол. Тем, как я слышала, правительство положило более достойное жалованье. Галаад женат на дочери управляющего цементным заводом. Ее зовут Мюриель. Ее родители –

англичане. У Мюриель пятеро детей, один из которых – самый младший – все еще живет с нами. Пареньку Роберту двадцать пять, и он не женат. У Роберта не слишком приятный характер – даже в детстве он плохо обращался с кошками. Носится повсюду на мотоцикле, и это он притащил в дом телевизор. С тех пор мои визиты в переднюю часть нашего жилища стали чрезвычайно редкими. Ежели я там теперь и появлюсь, то больше в виде фантома, я бы так сказала. В результате остальная семья вздохнула свободнее – ведь мои манеры за столом стали отличаться от общепринятых. С годами человек все меньше обращает внимания на то, что раздражает других. Например, в сорок лет я бы засомневалась, прилично ли есть апельсины в набитом битком трамвае или автобусе. Теперь я не только могу без зазрения совести жевать в общественном транспорте апельсины, но и съела бы, не смущаясь, обед из трех блюд, да еще запила стаканчиком портвейна, который время от времени употребляю в качестве лечебного средства.

Тем не менее я стараюсь приносить пользу и помогаю на кухне, которая расположена по соседству с моей комнатой. Чищу овощи, кормлю куриц и, как уже упоминала, выполняю другие серьезные обязанности, например убираюсь по четвергам в своей комнате. Я никому не досаждаю и без посторонней помощи содержу себя в чистоте.

Каждая неделя приносит определенное количество умеренных удовольствий. Ночь – в хорошую погоду небо, звезды и, конечно, в надлежащие периоды луну. По понедельникам в мягкую погоду я иду по улице два квартала навестить приятельницу Кармеллу. Она живет в очень маленьком домике с племянницей, которая сама хотя и испанка, печет пироги для шведской чайной. Кармелла ведет приятную жизнь, она поистине интеллектуалка. Читает книги, глядя на страницы сквозь изящный лорнет, и почти не бормочет про себя, как это делаю я. Еще она вяжет очень замысловатые джемперы, но ее истинное наслаждение – письма, которые она пишет с огромным удовольствием. Она рассылает их по всему миру – людям, с которыми не знакома и с которыми ни разу не встречалась, и при этом подписывается всякими романтическими именами и никогда своим собственным. Кармелла терпеть не может анонимных посланий. И в самом деле, какой от них прок – ведь никто не ответит на письмо, если в конце не стоит подписи. Написанные аккуратным почерком, ее письма разлетаются по миру небесным способом, то есть авиапочтой. Ей еще никто ни разу не ответил. Непостижимая черта человечества: у людей ни на что не хватает времени.

И вот однажды утром в понедельник я нанесла обычный визит Кармелле и обнаружила, что она ждет меня на пороге. Сразу стало ясно, что она сильно чем-то взволнована, даже забыла надеть парик. Кармелла совершенно лысая и в обычном состоянии не выходит на улицу без парика. Она по характеру тщеславна, и этот рыжий парик – ее царственный жест в память о давно утерянных волосах, которые, если мне не изменяет память, были почти такого же рыжего цвета. В тот понедельник Кармелла лишилась обычного величия и от возбуждения что-то бормотала, что для нее совсем не характерно. Я принесла ей яйцо, которое курица снесла тем самым утром, но когда она схватила меня за руку, я его уронила. Какая жалость – ведь его не починить.

– Я тебя ждала, Мариан, ты опоздала на двадцать минут. – Она не заметила разбившегося яйца. – Когда-нибудь ты вообще забудешь прийти. – Ее голос походил на комариный писк, но сказала она примерно это, хотя я, разумеется, не все расслышала. Кармелла потянула меня в дом и после нескольких попыток объяснила, что у нее для меня есть подарок. – Подарок, подарок, подарок!

Кармелла не раз делала мне подарки: иногда вязанные, иногда съедобные, но мне никогда не приходилось ее видеть в таком волнении. Когда она развернула слуховую трубку, я сначала не поняла, что с этим можно делать: есть из нее, пить или использовать в качестве украшения. После нескольких сложных манипуляций приятельница вставила мне трубку в ухо, и комариный писк превратился в рев разъяренного буйвола.

– Ты меня слышишь, Мариан?

Я слышала, и это было ужасно.

– Ты меня слышишь, Мариан?

Я безмолвно кивнула. Этот пугающий звук был пострашнее мотоциклета Роберта.

– Эта замечательная слуховая трубка изменит твою жизнь.

Наконец я сумела выдавить:

– Ради бога, не кричи, у меня от этого расходятся нервы.

– Чудо! – все еще в возбуждении возопила Кармелла, а затем заговорила тише: – Твоя жизнь переменится.

Мы обе сели и пососали фиалковые пастилки. Кармелла их любила из-за того, что они придавали ее дыханию аромат. Я привыкла к их довольно мерзкому вкусу, и благодаря моей привязанности к Кармелле они даже начинают мне нравиться. Мы обдумали все революционные возможности трубки.

– Ты не только сможешь сидеть и слушать красивую музыку и умные разговоры, но у тебя появится козырь – подслушивать, что говорят о тебе родные, а это должно быть очень забавно. – Кармелла дососала пастилку и закурила маленькую черную сигару из тех, что берегла для особых случаев. – Придется, конечно, скрывать и прятать трубку, ведь родные могут трубку отобрать, если не захотят, чтобы ты слышала, что они говорят.

– Почему им надо что-то от меня скрывать? – спросила я, думая о неискоренимом влечении Кармеллы к драме. – Я не доставляю им беспокойства, они меня почти не видят.

– Не зарекайся. На людей до семидесяти и за семь, если они не кошки, полагаться не приходится. Тут никакая осторожность не помешает. К тому же представь, какое развлечение слушать тех, кто считает, что ты не можешь их слышать.

– Вряд ли они не заметят трубку, – с сомнением проговорила я. – Она, должно быть, из рога буйвола, а буйволы – очень большие животные.

– Нет-нет, нельзя, чтобы они заметили. Прячься где-нибудь и слушай. – Мне почему-то сразу не пришло это в голову, а ведь трубка сулила бесконечные возможности.

– Что ж, Кармелла, это очень любезно с твоей стороны, и перламутровые цветы на ней в самом деле очень милы. Судя по всему, она сделана в эпоху короля Якова Первого.

– А еще ты сможешь послушать мое последнее письмо, которое я написала, но еще не отправила, потому что хотела тебе прочесть. С тех пор как я стащила в консульстве телефонный справочник Парижа, поток моих писем стал существенно больше. Ты не представляешь, какие красивые в Париже у людей имена. Это письмо я адресовала месье Бельведеру Уазу Нуази, который живет на улице Решт Потин'Пари-иль. Невозможно придумать ничего более звучного, даже не пытайся. Так и вижу довольно хилого, но все еще элегантного старичка, который страстно увлекается выращиванием тропических грибов и разводит их в шкафу в стиле ампир. Он носит расшитые жилеты и путешествует с красным чемоданом.

– Знаешь, Кармелла, иногда мне кажется, что ты могла бы получить ответ, если бы не воображала тех, кому пишешь. Месье Бельведер Уаз Нуази звучит, конечно, красиво, но представь, что он толст и собирает корзины из ивовых прутьев. Никуда не выезжает, и у него нет чемодана. А возможно, он молод и мечтает стать моряком. Ты должна мыслить более реалистично.

– Иногда ты бываешь настроена очень недоброжелательно, Мариан, хотя я знаю, у тебя доброе сердце. Нет никаких оснований считать, что бедняга месье Бельведер Уаз Нуази занимается такими глупостями, как коллекционирование корзин из ивовых прутьев. Он хоть и слаб здоровьем, но отважен. Я пошлю ему немного грибных спор, чтобы облагородить породу тех, что он получил из Гималаев. – К этому было нечего добавить, и Кармелла начала читать письмо. Она представилась известной перуанской альпинисткой. Рассказала, что, когда спасала застрявшего над пропастью медвежонка гризли, потеряла руку, которую ей

немилосердно порвала медведица. Далее следовала всякого рода информация о высокогорных грибах и обещания прислать образцы. Мне показалось, что она сама слишком во все уверовала.

Когда я уходила из дома Кармеллы, почти наступило время ленча. Я, спрятав под шалью свой тайный сверток, шла очень медленно, чтобы сохранить силы. К тому времени я уже пришла в такое возбуждение, что чуть не забыла: у нас на обед томатный суп. Мне всегда нравился консервированный томатный суп, а у нас он бывает нечасто.

В этом состоянии легкого оживления мне пришло в голову направиться к передней двери вместо того, чтобы пройти обычным путем вокруг дома к черному ходу. Мелькнула мысль: не стащить ли у Мюриель пару шоколадок, которые она прячет за книжным шкафом? Мюриель ни за что не расстанется с конфетой, а ведь не разъелась бы до таких размеров, если бы была немного щедрее. Я знала, что она ушла в город купить салфеточки на спинки стульев, чтобы спрятать под ними жирные пятна. Терпеть не могу всякие такие ухищрения, предпочитаю моющиеся плетеные стулья – они не так портят настроение, как грязная обивка. К несчастью, в гостиной Роберт угощал коктейлями двух своих приятелей. Все как один уставились на меня, но тут же отвернулись, когда я начала объяснять, что ходила на свою обычную понедельничную прогулку. Из-за отсутствия зубов моя дикция теперь не такая четкая, как прежде. Мой монолог продолжался недолго, а затем Роберт грубо схватил меня за руку и выпихнул в ведущий на кухню коридор. Не вызывало сомнений, что он разозлился. Как справедливо заметила Кармелла, нельзя доверять людям, которым меньше семидесяти, но больше семи.

Я, как всегда, пообедала на кухне и отправилась в свою комнату расчесать кошек – Мармин и Чачу. Я расчесывала их каждый день, чтобы их шубки оставались нарядными и блестящими. А вычесанную шерсть собирала для Кармеллы, которая обещала связать из нее джемпер, когда наберется достаточно. Я уже наполнила прекрасной мягкой шерстью две маленькие банки из-под варенья и считала это приятным и экономичным способом обзавестись зимней одеждой. Кармелла утверждала, что кардиган без рукавов – практичный вариант для холодной погоды. Эти две банки я наполняла четыре года, и, наверное, потребуется еще некоторое время, чтобы шерсти хватило на целую вещь. Можно было бы добавить шерсти ламы, но Кармелла считала, что это будет мошенничеством. Племянница Розины как-то подарила мне простую индейскую прялку. Я опробовала ее на обрывках бумажных ниток и сплела прекрасные, очень нужные в хозяйстве веревки. К моменту, когда у меня будет достаточно кошачьей шерсти, я уже научусь производить добротную пряжу. Занятие это необыкновенно захватывающее, и я была бы вполне счастлива, если бы не ностальгия по северу. Говорят, Полярная звезда видна и отсюда, и она стоит на небе неподвижно. Я так ее и не нашла. У Кармеллы есть планисфера, но мы не знаем, как ею пользоваться. А по таким делам мало с кем можно посоветоваться.

Надежно спрятав слуховую трубку, я занялась своей дневной работой.

У пеструшки был такой вид, словно она снесла мне на кровать второе яйцо, а Мармин, как всегда, не давала вычесать ей хвост. От неожиданного появления в комнате Галаада я чуть не свалилась со стула. В прошлый раз сын меня навестил, когда прохутился водяной бак, и он явился ко мне с водопроводчиком. Галаад стоял на пороге и шевелил губами – как я догадалась, что-то говорил.

Затем он поставил на мой комод бутылку портвейна, что-то добавил к сказанному и удалился. От такого удивительного поведения Галаада я впала в задумчивость, в коей пребывала до самого вечера. Никак не могла объяснить его приход. У меня не день рождения, да и в день рождения он никогда не приносил мне подарков. Судя по погоде, и не Рождество. Почему же он кардинально изменил своим привычкам?

В тот момент я не нашла этому событию никакого зловещего объяснения, только удивилась и заинтересовалась. А вот если бы обладала даром проницательности, как Кармелла, то могла бы встревожиться. Но в любом случае, даже предвидя предстоящие события, я должна была бы только ждать.

Значительная часть моей жизни прошла в ожидании, по большей части бесполезном. В последнее время я стараюсь не забивать себе голову какими-либо логическими размышлениями, однако в данном случае, как ни удивительно, составила план действий. Я хотела дознаться, какими мотивами руководствовался Галаад, проявляя свою непрошеную доброту. Не то чтобы он был чужд обычных человеческих чувств, просто считал, что проявлять доброту к неодушевленным предметам – пустая трата времени. Возможно, он и прав, но с другой стороны, раз мне кажется живой агава, то я тоже могу претендовать на это звание.

Вечер все тянулся, и, когда время ужина прошло, я дождалась ухода Розины и осторожно распаковала слуховую трубку. Вышла из своей комнаты и спряталась в темном коридоре между гостиной и кухней. Дверь там всегда держали открытой, и я без труда смогла насладиться картинкой семейной жизни. Галаад сидел напротив Мюриель у камина с электрическим очагом. Погода была не слишком холодной, и камин не включали. Роберт расположился на узком диване и разрывал на полоски утреннюю газету. На стульях и на диване, как и полагалось, лежали новые салфеточки – темно-бежевые, с бахромой. Практично, подумала я, и легко отстирать. Три члена моей семьи были увлечены спором.

– Даже если это больше никогда не произойдет, забыть случившееся невозможно, – заявил Роберт, да так громко, что моя трубка завибрировала. – Я больше никогда не решусь пригласить сюда друзей.

– Я думал, все уже решено, – ответил Галаад. – Тебе совершенно ни к чему так волноваться, раз мы все согласились, что ей будет намного лучше в соответствующем заведении.

– Как всегда, ты опоздал со своим решением лет на двадцать, – вступила в разговор Мюриель. – Все эти годы твоя мать нам не давала житья, а ты упорно держал ее в доме на нашей шее, и все ради того, чтобы потакать своим сентиментальным чувствам.

– Мюриель, ты несправедлива, – слабо возразил Галаад. – Ты же знаешь, до того как умер Чарльз, у нас не было возможности поместить ее в государственное учреждение.

– Государство специально содержит дома для немощных и престарелых, – вскинулась Мюриель. – Ей давно там место.

– Мы не в Англии, – ответил Галаад. – Здешние богадельни непригодны для человеческих существ.

– Бабушку, – хмыкнул Роберт, – вряд ли можно причислить к человеческим существам. Она слюнявый мешок разлагающейся плоти.

– Роберт! – не слишком убежденно возмутился Галаад. – Право, Роберт!

– Знаешь, с меня довольно, – ответил тот. – Приглашаешь людей выпить и поболтать, и вдруг впирается привидение замка Гламис и среди бела дня бессвязно что-то тараторит, пока я не вывожу его вон. Разумеется, очень деликатно.

– Не забывай, Галаад, у старых людей нет таких чувств, как у тебя или у меня, – добавила Мюриель. – Ей будет намного лучше в заведении, где о ней должным образом позаботятся. В наши дни в таких домах все отлично налажено. А там, в Санта-Бригиде, в том месте, о котором я тебе говорила, управляет Братство Кладезя света, и финансирует его известная американская зерновая компания «Здоровый злаковый завтрак». Все очень толково организовано и относительно недорого.

– Да, ты говорила. – Спор явно надоедал Галааду. – Согласен, это именно то место, куда ее можно отправить и где за ней будут хорошо ухаживать.

– Ну и когда же мы ее выпроводим? – поинтересовался Роберт. – Я мог бы оборудовать в той комнате мастерскую и чинить мотоцикл.

– Не будем торопить события, – ответил Галаад. – Ей еще надо обо всем сообщить.

– Сообщить? – удивилась Мюриель. – Да она понятия не имеет, где находится, и вряд ли заметит перемену.

– Может заметить, – покачал головой Галаад. – Мы не знаем, насколько она понимает, что к чему.

– Твоя мать в полном маразме, – отрезала Мюриель. – И чем скорее ты это признаешь, тем лучше.

На мгновение я отняла трубку от уха – отчасти потому, что разболелась рука. В маразме? Не буду с ними спорить. Но что означает это слово?

Я приложила трубку к другому уху.

– Лучше бы ей было умереть, – заявил Роберт. – В таком возрасте людям следует находиться на том свете.

Оказавшись в постели в своей шерстяной ночной рубашке, я обнаружила, что меня колотит, словно в лихорадке, но это происходило будто не со мной. В голове крутилась первая страшная и неотвязная мысль: что станет с кошками? Затем: что будет с Кармеллой и нашими утренними встречами по понедельникам? А ведь еще есть пестрая курица. И почему они считают, что им известно, кому и когда лучше умереть? Как они могут это знать? О Венера! (Я всегда молюсь Венере, потому что она самая яркая и различимая на небе звезда.) Что это за Братство Кладезя света? Звучит страшнее самой смерти. Братство беспощадного знания, что хорошо и что плохо другим, и непоколебимого намерения сделать им лучше, хотя бы того или нет. О Венера, чем я провинилась, чем заслужила такое? И как быть с кошками – Мармин и Чачей? Я не спряду их шерсть, и она не превратится в кофту, которая будет согревать мои кости. Не будет у меня наряда из кошачьей шерсти, вместо него, вероятно, придется носить какую-то форму. И пеструшка не станет откладывать мне каждый день на кровать яйцо.

Мучимая этими видениями и мыслями, я впала в нечто более похожее на каталепсию, чем на сон.

А на следующий день, естественно, отправилась к Кармелле рассказать ужасные новости. И, надеясь на совет, захватила слуховую трубку.

— Случаются моменты, когда я чувствую в себе способность провидицы, — начала Кармелла. — И когда увидела на блошином рынке слуховую трубку, сказала себе: вот вещь спе-

циально для Мариан. Меня словно толкнуло, и я ее сразу купила. Да, новости ужасные, мне надо придумать какой-нибудь план.

– А что ты думаешь по поводу Братства Кладезя света? – спросила я. – Меня это как-то пугает.

– Братство Кладезя света – явно какая-то гнусность, – подтвердила Кармелла. – И, хотя не думаю, что они там перерабатывают пожилых дам в злаковые, все равно это какая-то мерзость. Нечто устрашающее. Надо что-то придумать, чтобы спасти тебя от челюстей этого Кладезя света. – Все это ее невесть почему развлекало, и хотя Кармелла была искренне расстроена, я заметила, что она хихикает.

– Полагаю, мне не разрешат взять с собой кошек?

– Никаких кошек, – подтвердила Кармелла. – В заведениях такого рода любить не разрешается. На это просто нет времени.

– Что же делать? – растерялась я. – Обидно, дожив до девяноста двух лет и так ничего и не поняв, кончать жизнь самоубийством.

– Можешь убежать в Лапландию. Свяжем палатку, и когда ты туда прибудешь, не придется покупать.

– Нет денег. А без денег до Лапландии не добраться.

– Деньги – досадная помеха, – кивнула Кармелла. – Если бы были деньги, я бы тебе дала. Мы могли бы вместе отдохнуть на Ривьере по дороге в Лапландию. Немного поиграли бы там в азартные игры.

Даже у Кармеллы не нашлось для меня дельного совета.

Дома – это настоящие тела. Мы связаны со стенами и крышами точно так же, как с печенью, скелетом, плотью и кровеносной системой. Я не красавица; мне не нужно зеркала, чтобы установить этот непреложный факт. Но тем не менее мертвой хваткой вцепилась в свою изможденную оболочку, словно это хрустальное тело самой Венеры. Это справедливо в отношении заднего двора, маленькой комнаты, которую я теперь занимаю, моего тела, кошек, курицы-пеструшки, всех частей моей застойной кровеносной системы. Разлука со всем знакомым и любимым – да-да, любимым – была бы смертью. Как в старом известном стишке: «В сердце рана, кровь течет, смерть идет, сама идет». Не было средства избавиться от пронзившей сердце иглы, за которой тянулась нить старой крови. А как насчет Лапландии и своры мохнатых собак? Это тоже была бы чудовищная ломка дорогих сердцу привычек, но совсем иного рода, чем заведение для немощных старух.

– Если тебя запрут в комнате на десятом этаже, возьмешь сплетенные тобой веревки и сбежишь. – Кармелла закурила сигару. – Я буду ждать внизу с пулеметом и наемным автомобилем. Думаю, что за час или два шофер возьмет недорого.

– Где ты возьмешь пулемет? – Меня увлекла мысль, что Кармелла собирается вооружиться таким убойным предметом. – И как им пользоваться? Мы с тобой даже не разобрались с планиферой. А пулемет, мне кажется, штука посложнее.

– С пулеметом все просто, – возразила Кармелла. – Заряжаешь кучей пуль и жмешь на спусковой крючок. Никаких хитрых действий, тем более что попадать ни в кого не надо. Людей отпугнет звук – они решат, что если ты с пулеметом, значит, опасна.

– Ты действительно можешь быть опасна, – забеспокоилась я. – Что, если случайно подстрелишь меня?

– Я нажму на спусковой крючок только в случае крайней необходимости. На нас могут напустить свору полицейских собак, и вот тогда придется стрелять. Свора собак – крупная цель. В сорок собак с трех ярдов попасть легко. Уж тебя-то я всегда отличу от злойшей полицейской псины.

Мне не очень понравились доводы Кармеллы.

– А если за мной погонится всего одна полицейская собака и будет носиться кругами? Тогда ты можешь легко промахнуться и зацепить меня.

– Ты, – прочертила в воздухе линию сигарой Кармелла, – будешь спускаться по веревке с десятого этажа. Псы нападут на меня, а не на тебя.

– Ладно, – кивнула я не совсем убежденно. – Вот мы выбрались из усеянного собачьими трупами прогулочного двора (я не сомневалась, что приземлюсь именно в окруженном высокими стенами прогулочном дворе). Как мы поступим дальше и куда подадимся?

– Вступим в банду на дорогом морском курорте и будем подслушивать телефонные разговоры, пока не узнаем, кто победит на скачках, и не сорвем куш.

Кармеллу понесло в сторону, и я попыталась вернуть ее к теме нашего разговора.

– Мне казалось, ты утверждала, что животные не допускаются в заведения такого рода. Но ведь сорок полицейских собак – это тоже животные.

– Полицейские собаки, строго говоря, никакие не животные. Испорченные существа, лишённые рассудка, присущего животным. Полицейские не люди, как же могут их собаки быть животными?

На этот вопрос ответа не существовало. В Кармелле погиб адвокат – в запутанных спорах она была как рыба в воде.

– С тем же успехом ты можешь сказать, что колли – это испорченные овцы, – заметила я после некоторого раздумья. – Если в домах престарелых держат такое количество собак, не понимаю, как могут помешать одна-две кошки.

– Представь, какая это мука для кошек жить среди сорока злобных полицейских псов. – Взгляд Кармеллы стал лихорадочным. – Их нервная система может не выдержать в таких обстоятельствах. – Она была, как всегда, права.

Раздавленная нахлынувшим чувством отчаяния, я поплелась домой. Как мне будет не хватать Кармеллы и ее ободряющих советов, ее сигар и пастилок с фиалковым ароматом. В доме для престарелых меня, наверное, заставят сосать витамины. Витамины и полицейские собаки, серые стены и пулеметы – вот что меня ждет. Мысли путались, голову заполнил страх, и она разболелась, словно в нее насовали колючих морских водорослей.

Скорее привычка, чем собственные силы, привела меня домой и усадила на заднем дворе. Удивительно, я вдруг оказалась в Англии воскресным днем и отдыхала с книгой под кустом сирени на каменной скамье. Близкие заросли розмарина наполняли воздух ароматом. Неподалеку играли в теннис – я ясно слышала удары ракеток по мячу. Я находилась в утопленном голландском садике. А почему, собственно, голландском? Розы? Геометрические клумбы? Или потому что он утопленный? Звонили колокола протестантской церкви – мы уже пили чай? Огуречные сэндвичи, пирог с тмином, булочки с карамелью. Да, время чая прошло.

Мои длинные шелковистые волосы были мягкими, как кошачья шубка. Я красива и от этого испытываю потрясение – я ведь только что осознала свою красоту, с которой что-то надо делать, только что? Красота – такая же ответственность, как и все остальное. У красивых женщин особенная жизнь, как, например, у премьер-министров, но это не то, чего хочется мне. Должно быть что-то другое... Книга. Теперь я вижу ее. Сказки Ганса Христиана Андерсена. «Снежная королева».

«Снежная королева», Лапландия, маленький Кай, решающий задачи на умножение в ледяном замке. Теперь я понимаю, что и мне подкинули математическую задачку, которую я не способна решить, хотя и стараюсь уже много лет. Я в Англии, в этом душистом саду, не по-настоящему, хотя сад не исчезает, как обычно. Я все это придумала – все это вот-вот исчезнет, но не исчезает. Ощущение такое сильное и радостное, что даже страшно: должно произойти что-то ужасное, поэтому решение надо найти быстро.

Все, что я люблю, сейчас рассыплется на молекулы, и с этим ничего нельзя поделать, если только не найти ответ на загадку Снежной королевы. Она – северный сфинкс с лоснящимся белым мехом и бриллиантами на когтях, с ледяной улыбкой и слезами, барабанищими, словно град, по странным рисункам у ее лап. Где-то когда-то я предала Снежную королеву, и теперь мне полагалось бы это знать.

Ко мне подошел что-то спросить молодой человек в белом фланелевом костюме. Буду ли я играть в теннис? Да нет, знаете ли, не очень-то я большая в этом мастерица, поэтому предпочитаю почитать книгу. Нет-нет, ничего заумного – сказки. Сказки в вашем возрасте?

А почему бы и нет? Что такое, в конце концов, возраст? Нечто такое, что тебе понять не дано, любовь моя.

Леса полны диких анемонов, пойдем посмотрим? Нет-нет, душа моя, я сказала: «диких анемонов», а не диких анонимов – сотни, тысячи цветов на земле под деревьями до самого бельведера. У них нет запаха, но их красота подобна благоуханию и так же всепоглощающая, я запамную их на всю жизнь.

Ты куда-то собралась, дорогая?

Да, в лес.

Тогда, скажи на милость, почему ты будешь их помнить всю жизнь.

Потому что ты – часть их памяти: ты исчезнешь, а анемоны будут цвести вечно – мы так не можем.

Дорогая, перестань философствовать, это тебе не идет, у тебя от этого краснеет нос.

Поскольку я обнаружила, что красива, меня не трогает краснота носа, ведь он такой совершенной формы.

Ты ужасно тщеславна.

Это оттого, душа моя, что у меня пугающее предчувствие, будто все исчезнет, прежде чем я разберусь, что со всем этим делать. Меня страшит, вдруг я не успею насладиться своим тщеславием.

У тебя маниакальная депрессия, я бы засох от скуки, если бы не твоя красота.

Со мной никто не скучает – во мне слишком много души.

Чрезмерно много, но, слава богу, тела тоже хватает.

В лесу зеленый и золотистый огонь, взгляни на эти гигантские папоротники. Говорят, ведьмы колдуют с его семенами, а они ведь все гермафродиты.

Кто, ведьмы?

Нет, папоротники. Кто-то привез из Канады гигантскую голубую пихту, она стоит миллионы и миллионы. Но как же это глупо везти дерево из Америки? Ты не испытываешь к Америке ненависти?

Нет, с какой стати, я там никогда не был. В Америке все пугающе цивилизованны.

А мне Америка ненавистна, потому что я знаю: стоит туда попасть, и оттуда уже не выбраться. Так и проплачешь всю оставшуюся жизнь, понимая, что больше никогда не увидишь анемонов.

Может, Америка как раз и покрыта вся сплошь и рядом цветами и, разумеется, по большей части клематисами.

Ничего подобного.

Откуда тебе это известно?

Во всяком случае, не та часть Америки, о которой я думаю. Там совсем другие растения и пыль. Пыль, пыль, от силы несколько пальм и ковбои, скачущие туда-сюда на коровах.

Они скачут на лошадях.

Хорошо, на лошадях, не имеет значения, – если смерть как хочется домой, не заметишь, пусть даже станут гарцевать на тараканах.

Тебе нет необходимости ехать в Америку, так что взбодрись.

Нет необходимости? Кто знает! Мне что-то подсказывает, что мне придется увидеть много Америки, и если не произойдет чуда, там будет очень грустно.

Чудеса, ведьмы, сказки – повзрослей же, дорогая!

Можно не верить в магию, но в этот момент происходит нечто странное. Твоя голова тает в разреженном воздухе, и я вижу сквозь твой живот рододендроны. Нет, ты не умер, не происходит ничего драматичного, просто ты потихоньку исчезаешь, и я даже не могу припомнить твоего имени. Белый фланелевый костюм запомнился лучше, чем ты сам. Могу представить все его детали, а вот того, кто заставлял его двигаться, – нет.

Меня же ты запомнил в красном льняном платье без рукавов. Мое лицо перепуталось с десятками других лиц, и у меня нет имени, так какой же смысл волноваться по поводу индивидуальности?

Мне показалось, что я услышала, как рассмеялась Снежная королева, а она редко смеется.

И я вернулась в свою старую, отвратительную оболочку. Рядом стоял Галаад, который пытался мне что-то сказать. Он орал во всю мощь своего голоса:

– Нет, я не зову тебя поиграть в теннис, мне надо сообщить тебе нечто хорошее и важное.

– Хорошее? Важное?

– Тебе предстоит приятный отпуск, мама. Тебе очень понравится.

– Дорогой Галаад, не надо мне так по-глупому лгать. Ты собираешься отправить меня в заведение для немощных старух, поскольку считаешь омерзительным древним мешком, и, осмелюсь утверждать, со своей точки зрения ты прав.

Он усталился на меня, разинув рот, и вид у него был такой, словно я достала из шляпки живого козла.

– Мы надеемся на твою рассудительность! – наконец выкрикнул он. – Тебе там будет удобно, появятся знакомые, с которыми можно будет общаться.

– Мой дорогой Галаад, я хотела бы узнать, что ты понимаешь под словом «нерассудительность»? Что я разнесу дом по кирпичику и буду приплясывать на развалинах? Сброшу с крыши телевизор? Понесусь голой на этом отвратительном мотоцикле Роберта? Нет, Галаад, на такое у меня не хватит сил. Выбора нет: придется вести себя, как ты выразился, рассудительно, так что у тебя нет причин для тревоги.

– Вот увидишь, ты будешь там счастлива, мама. Тебе предложат много интересных занятий, и опытный персонал проследит, чтобы ты не чувствовала себя одиноко.

– Мне не бывает одиноко, Галаад. Или скажем по-другому: я не страдаю от одиночества. Я страдаю от мысли, что мое одиночество у меня отнимут безжалостно желающие мне добра люди. Не надеюсь, что ты меня поймешь, но прошу об одном – не воображай, будто в чем-то меня убеждаешь, в то время как совершаешь надо мной насилие против моей воли.

– Помилуй, мама, все совершается ради твоей пользы, ты это потом оценишь.

– Очень в этом сомневаюсь, но поскольку, что бы я ни говорила, ты своего мнения не изменишь, скажи, когда мне надлежит покинуть дом?

– Мы рассчитывали отвезти тебя туда во вторник для ознакомления. Если тебе не понравится место, ты сможешь вернуться домой.

– Сегодня воскресенье.

– Да, сегодня воскресенье, я рад, что ты приободрилась, мама. Вот увидишь, сколько радости принесут тебе новые знакомства и полезные для здоровья упражнения в Санта-Бригиде. Там почти загород.

– Что ты понимаешь под «полезными для здоровья упражнениями»? – Меня поразило ужасное предчувствие, как бы не пришлось играть в хоккей. Кто знает, до чего дошла современная терапия. – У меня и здесь достаточно упражнений.

– Своего рода организованный спорт, – ответил Галаад, подкрепляя мои наихудшие опасения. – Через месяц-другой ты почувствуешь себя двухлетней.

Стало трудно дышать, и, чтобы сохранить силы, я постаралась успокоиться – прежде чем лечь в могилу, мне надо было еще очень многое выяснить. К тому же я понимала, что спорить с Галаадом бесполезно. Он еще некоторое время говорил, но я больше ничего не слышала, потому как он перестал кричать.

Лет пятьдесят или шестьдесят назад я приобрела в еврейском квартале Нью-Йорка очень практичный, обитый металлом чемодан. Он выдержал проверку временем, побывав в руках всякого рода служб. В последнее время я пользовалась им как чайным столиком, когда ко мне приходила Кармелла. А укладывать в него вещи собиралась, если только отправлюсь в Лапландию. Кто знает, какое тебе уготовано будущее. Я не открывала чемодан лет семь – с тех пор как Кармелла дала мне бутылку снотворного, которое она сама приготовила и которое я так и не решилась попробовать. Бутылка лежала на дне чемодана; ее содержимое превратилось в кристаллический осадок и выглядело совершеннейшей отравой: побурело и покрылось сверху серой плесенью. Я решила оставить ее на месте – разве можно предвидеть, что пригодится в будущем, поэтому я ничего не выбрасываю. Внутри чемодан был деревянным и оклеен бумагой с изящным, правда, местами запятнанным, рисунком.

Первым предметом, который я уложила рядом с бутылкой со снотворным, была, конечно, роковая слуховая трубка. Она напомнила мне об архангеле Гаврииле, хотя тому подобное устройство нужно, чтобы подавать трубный глас, а не слушать через него. Согласно Библии, он затрубит в тот день, когда человечество погубит последняя катастрофа. Как странно: в Библии все кончается горем и катаклизмом. Иногда я задаю себе вопрос: почему такой свирепый и злобный бог обрел подобную популярность? Люди очень странные, и я не надеюсь в них хоть что-нибудь понять, но зачем почитать того, кто сеет болезни и смерть? И почему надо винить во всем Еву?

Затем мне надо было открыть комод и разобрать его, а также картонные коробки с различными наклейками: мармелад, соленья, консервированная фасоль, томатный кетчуп. Там, разумеется, не было того, что значилось на наклейках, а хранилась накопившаяся со временем всякая всячина.

Надо хорошо подумать, что взять с собой, если уезжаешь навсегда, – ведь то, что на первый взгляд может показаться бесполезным, в определенной ситуации будет необходимым. Я решила подбирать вещи так, будто уезжаю в Лапландию. Положила отвертку, молоток, гвозди, птичий корм, веревки, которые сплела сама, лоскутки кожи, детали будильника, иголки и нитки, пакет с сахаром, спички, цветные бусины, морские раковины и тому подобное. А сверху придавила одеждой, чтобы все это не гремело в чемодане.

Памятуя о том, что Мюриель привыкла во все совать нос, я решила не позволять ей обследовать мое хозяйство и, наполнив пустые картонные коробки камнями со двора, снова перевязала их бечевкой. Теперь Мюриель подумает, что я все оставила дома и, поскольку всегда называла мою разнородную коллекцию «хламом», не глядя возьмет да и выбросит.

Я, конечно, понимала, что не стану подкупать эскимосов, но уложила все так, словно собиралась именно этим заняться. Такие места, как Крайний Север, отрезаны от цивилизации, и кто знает, что там может понадобиться. Меня все-таки не зря учили в монастырской школе.

Время, как известно, течет, а возвращается ли назад – это большой вопрос. Приятель, которого я до сих пор не упоминала, поскольку его нет рядом, говорил, что существуют красная и синяя вселенные и их частицы встречаются, как два роя пчел. Когда две разноцветные частицы сталкиваются друг с другом, случается чудо. Все это имеет какое-то отношение ко времени, только я не могу этого вразумительно объяснить.

Так вот мой приятель, мистер Мальборо, живет со своей сестрой в Венеции, и я его давно не видела. Мальборо – великий поэт и в последние годы стяжал славу. Иногда я и сама подумываю писать стихи, но рифмовать так же трудно, как гнать стадо индюков и кенгуру по многолюдной главной улице, держа их в куче, и при этом стараться, чтобы они не заглядывали в витрины магазинов. Слов очень много, и каждое что-то значит. Мальборо говорил, что его сестра от рождения убогая, но сообщил об этом так загадочно, что иногда мне интересно, что же с ней такое.

Если правильно помню, писатели обычно находят какие-то извинения за свои книги, хотя мне совсем непонятно, почему люди должны извиняться за столь тихое и мирное занятие. Вот военные никогда не извиняются за то, что убивают друг друга, а романисты стыдятся, что написали милые пустяковые книжки в бумажных обложках, ведь неизвестно, прочитал их кто-нибудь или нет. Человеческие ценности – странное дело: они так быстро меняются, что я не могу уследить.

Я говорю об этом, поскольку думаю, что все-таки могла бы заняться поэзией. Мне больше по стилю подошла бы баллада с простым коротким стихом вроде этого:

Ни вещицы на полу
Не лежало поутру.
Коль предала меня родня,
Не жди булавки от меня.

Ничего вычурного, никаких длинных слов. Но это просто пример, как я буду добиваться чего-то более романтического.

Вот такие мысли текли у меня в голове, словно песок сквозь сито, а я между тем продолжала собираться. Работа потребовала много времени, однако спать не хотелось — слишком я была увлечена своим делом.

Сон и бодрствование теперь не так разнятся, как бывало, и я их, случается, путаю. Память моя набита всякой всячиной — пусть даже и не в хронологическом порядке — под завязку, и я горжусь своей замечательной способностью к разнообразным воспоминаниям.

Кошки попели на луну немножко
На морском берегу лишь серебряная ложка...

Стихотворный образ остался незавершенным, потому что я все-таки, видимо, заснула.

Санта-Бригида – дальняя южная окраина города. Теперь бывшая индейско-испанская деревня была связана со столицей цепочкой бензоколонок и фабрик. Дома где-то глинобитные, где-то добротные каменные, узкие улицы замощены грубо, по сторонам их окаймляют деревья и высокие стены, за которыми скрываются парки и колониальные особняки. Район мог бы привлекать своим очарованием, если бы в сырые дни здесь так не пахло бумажной фабрикой «Гомез и компания». Стоило упасть капле дождя, и все вокруг окутывала невыносимая вонь.

Последний дом на улице Альбаака и был тем самым заведением. Он нисколько не походил на то, что воображали мы с Кармеллой. Стены, ограждающую территорию, разумеется, стояли, но все остальное выглядело совершенно иначе. Снаружи ничего не было видно, кроме этих увитых свинчаткой и плющом стен. Вход представлял собой массивный пласт дерева, украшенный металлическими шишками, которые когда-то были, наверное, чьими-то головами. Шишки настолько стерлись, что стали почти плоскими. Над стенами ограды возвышалась башня. Строение больше походило на средневековый замок, чем на больницу или тюрьму, которые я себе представляла.

Впустившая нас дама так разительно не соответствовала выдуманному мною образу хозяйки заведения, что я не могла отвести от нее глаз. Она была лет на десять моложе меня и вышла к нам во фланелевых пижамных брюках, мужском смокинге и сером свитере с высоким воротом. У нее сохранилось изрядное количество волос, которые выбивались из-под морской фуражки с кокардой и словами «Корабль Его Величества Дюймовочки». Она казалась чем-то очень взволнованной и трещала без умолку. Галаад и Мюриель время от времени пытались что-то сказать, но она им и слова не давала вставить.

Первое впечатление не бывает ясным; могу сказать одно: там было несколько дворов, крытых галерей, неработающих фонтанов с протухшей водой, деревья, кусты, лужайки. Главное здание в самом деле представляло собой замок, окруженный павильонами самых нелепых форм, – какими-то ведьминскими обиталищами в виде поганок, швейцарских шале и железнодорожных вагонов. Плюс парочка обыкновенных бунгало, строение, напоминающее сапог, и домик, похожий на египетскую мумию-переростка. Все казалось мне настолько странным, что я поначалу не верила своим глазам. Наш гид продолжала говорить, вроде бы что-то объясняла мне, не обращая никакого внимания на Мюриель и Галаада. Я читала на их лицах удивление, но они взяли на себя труд захватить с собой мой чемодан, и это удерживало их от того, чтобы передумать и увезти меня назад.

Мы долго-долго шли и наконец оказались у одиноко стоявшей посреди огорода башни. Это была не башня главного здания – другая: оштукатуренная, высотой не больше трех этажей. Она определенно напоминала маяк, чего трудно ждать от расположенного в саду строения. Гид открыла дверь и, проговорив с четверть часа,пустила нас внутрь. Я поняла, что в этом удивительном месте мне предстояло жить. Из нормальной мебели здесь стояло только плетеное кресло и стол. Все остальное было нарисовано. То есть нарисовано на стенах, хотя по-настоящему этой мебели не существовало. Сделано так умело, что я поначалу купилась и принялась открывать нарисованный шкаф и книжную полку, где стояли томики с названиями на корешках. В открытое окно дул ветерок, и от него трепетала занавеска, точнее, она бы трепетала, если бы была настоящей. Рядом была нарисованная дверь и полка со всякими безделушками. Эта одномерная мебель производила до странности угнетающее впечатление, словно боль от тычка носом в стеклянную створку.

Вскоре Мюриель и Галаад уехали, но сопровождающая осталась и тараторила, как ненормальная. Мне стало интересно, понимала ли она, что я ни слова не слышу. Хотя мне все равно бы не удалось установить контакт – вклиниться в поток ее речи было нереально, даже если бы я говорила громко и решительно. В итоге я оставила ее упражняться в красноречии наедине с собой и поднялась исследовать другие помещения башни. Я обнаружила комнату с настоящим окном, кроватью и гардеробом. Стены здесь были без рисунков. Лестница в углу вела к потолочному люку, но эту часть башни я решила изучить в следующий раз, поскольку успела наскакаться и выбиться из сил.

Я сделала двадцать пять походов вверх-вниз, полностью разобрала чемодан, а моя провожатая все говорила и говорила, и я решила рискнуть воспользоваться слуховой трубкой. Ванная находилась на первом этаже и представляла собой отличное место для испытания здешней акустики.

– Разница невелика, поскольку из-за уток его все равно сюда не пускают. Он прислал мне изумительное, длинное письмо. Вам обязательно следует прочитать, как он десять километров преследовал шакала. Скоро время чая, а доктор Гэмбит требует, чтобы мы собирались до того, как ударит колокол. Что касается времени, доктор Гэмбит совершенно неразумный человек, поэтому нам лучше поспешить. Лично я считаю, что время совершенно неважно, и когда вспоминаю об осенних листьях, снеге, весне, лете, птичках и пчелках, только укрепляюсь в этом мнении, но многие придают часам слишком большое значение. Я верю во вдохновение. Вдохновенный разговор между двумя людьми, в отношениях которых установилась некая таинственная близость, способен принести больше радости, чем самые дорогие часы. К сожалению, вдохновенных людей очень мало, так что приходится черпать энергию из собственного источника жизненного пламени, а это, как понимаете, сильно изматывает. Приходится трудиться день и ночь, даже если болят все кости и кружится голова и никто не понимает, какую я веду смертельную борьбу, чтобы удержаться на ногах и не потерять радость жизни в то время, как бешено колотится сердце и меня погоняют, как жалкое выючное животное; я часто ощущаю себя трагически не понятой Жанной д'Арк, вокруг которой выются кардиналы и епископы мучают ее агонизирующий рассудок ненужными вопросами. Невольно чувствуешь глубокую близость с Жанной д'Арк, и мне часто кажется, что меня сжигают на костре просто потому, что я не похожа на других, потому что никогда не соглашалась отказаться от живущей во мне непонятной восхитительной силы, которая начинает проявляться, если я мирно беседую с таким же вдохновенным человеком, как сама.

Я сделала несколько неудачных попыток сообщить ей, что полностью согласна с ее философией жизни. Еще хотела спросить, возможно ли принести на чай слуховую трубку и не вызвать тем самым слишком много вопросов, но не смогла: стояла перед ней, безнадежно открывала и закрывала рот, а она все говорила и говорила. Еще я начинала тревожиться по поводу доктора Гэмбита, который сердится, если кто-то опаздывает на чай, но моя новая знакомая не проявляла желания сдвинуться с места и загораживала единственный выход. Я понимала: мы вообще не попадем на чай, если немедленно не тронемся в путь. Это было бы неприятно. Если здесь ограничиваются ранним чаем с плотной закуской и обходятся без ужина, мне придется голодать до завтрака.

– Вот если бы люди в этом мире осознавали, как важно понимать друг друга, но здесь никто даже не делает попытки разделить со мной непосильную ношу труда, который гнетет меня, как Жанну д'Арк. Однако мой источник вдохновения еще не тронут благодаря живущей во мне способности к борьбе. Меня переполняют творческие идеи, я отдаю, отдаю, отдаю, но люди не разделяют моего дара понимания. На меня сваливается все больше работы, по утрам после сна меня мучает невыносимая тошнота, потому что я перегружена, такое напряжение способно совершенно обескровить человека. Я по-глупому великодушна, люди этим пользуются, и от этого мне на плечи давит все больше дневных (и ночных) забот.

Я сильно встревожилась: какой ужасный труд так надломил эту женщину? Неужели и мне предстоит днем и ночью такая же изнурительная работа и я дойду до того, что потеряю способность прерывать поток собственной речи? Может, ее заставляют швырять уголь в огромную топку, может, здесь держат собственный крематорий, ведь старые люди постоянно умирают? Или здешних постояльцев сковывают цепью и заставляют дробить камни и при этом распевать матросские песни? Это бы объяснило, почему на голове женщины морская фуражка. Все замеченные мной необыкновенные строения стали приобретать зловещий смысл. Бунгало из детских стишков сделаны только для того, чтобы родственники пожилых дам решили, что те здесь ведут младенчески спокойную жизнь, а за фасадом – огромный крематорий и скованные цепью невольницы.

Меня охватила слабость, и я больше не боялась пропустить чай. Рука со слуховой трубкой затекла, но я не отрывала ее от уха – нездорово тянуло слушать дальше, и я не спешила окунуться в то, что теперь казалось благословенной тишиной.

Где-то вдалеке пробил колокол, моя новая знакомая, не переставая говорить, взяла меня за руку, и мы направились в сторону главного здания. Я как загипнотизированная продолжала держать трубку у уха. Ее речь напоминала колесо Фортуны – с небольшими отклонениями всегда возвращалась в исходную точку. Энтузиазм ни на секунду не ослабевал, а приятное морщинистое лицо не теряло выражения напряженной искренности.

Позднее я узнала, что мою новую знакомую зовут Анной Верц. Она не сама назвала себя – у нее бы не хватило времени обсуждать такой пустяковый, чисто практический предмет.

Столовая представляла собой длинную, отделанную панелями комнату с выходящими в сад створчатыми окнами. Шторы из зеленого бархата – вот уж что бы я на себя не надела – отделяли ее от гостиной, где все было обтянуто тканью с рисунком из цветов и птиц. Мы пришли вовремя, чтобы занять места, когда все остальные рассаживались. Я оказалась между Анной Верц и другой дамой. Расположились в ряд, спинами к створчатым окнам, отчего у меня возникло чувство тревоги, как у страдающих клаустрофобией.

Несколько дней все девять членов моего нового общества были словно на одно лицо. Они были, разумеется, разными людьми, но, согласитесь, требуется время, чтобы начать различать незнакомцев. Скользнув взглядом по доктору Гэмбиту, я из опасения показаться невежливой не решалась к нему присматриваться. Доктор сидел во главе стола, что, на мой взгляд, совершенно естественно, поскольку был среди нас единственным мужчиной.

Первое впечатление от него сложилось такое: лыс, почти как коленка, очень тучен и нервозен. Глаза трудно разглядеть, ведь он носил очки с чрезвычайно толстыми стеклами. Когда же мне удалось заглянуть за линзы, обнаружилось, что у него кроткие зеленые глаза с темными ресницами, довольно не подходящие его лицу. Это были глаза ребенка. Глаза, которые ни на что не смотрели. Видимо, бедняга был настолько близорук, что почти ничего не видел.

Стоило нам склониться перед нашими порциями земляничного джема и двумя кусочками хлеба, как Анна Верц тут же разразилась подобием речи.

– Замолчите, Анна Верц. Придержите язык, – внезапно остановил он ее таким пронзительным, гнусавым голосом, что я от неожиданности выронила ложку. Я прекрасно его слышала даже без трубки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.